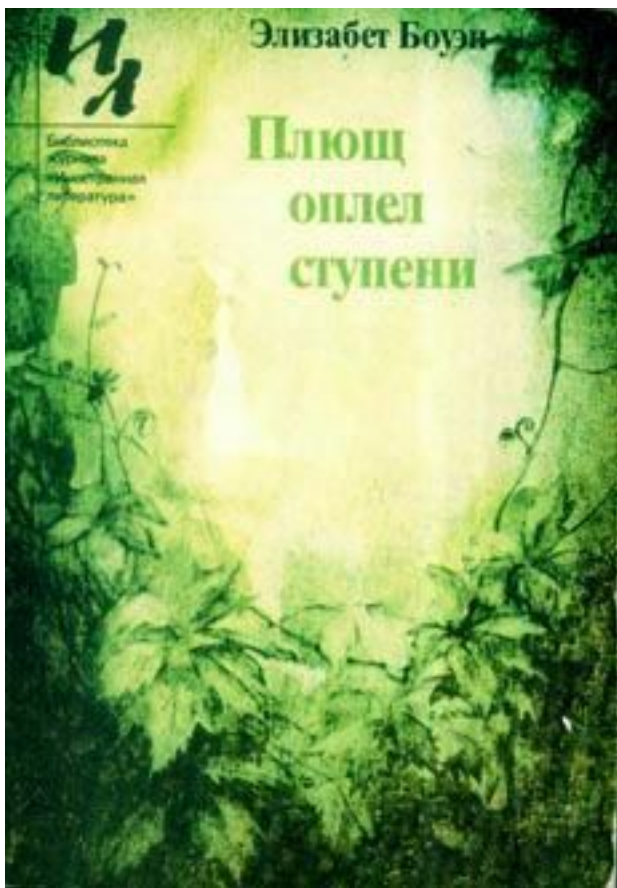

ИЯ

Библиотека
журнала
«Мисль і діалог»
література»

Елизабет Боуэн

**Плющ
оплел
ступени**

Элизабет Боуэн

Очаг в квартире

OCR Busya

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=161882

*Элизабет Боуэн «Плющ оплел ступени». Библиотека журнала
«Иностранная литература»: Известия; Москва; 1984*

Аннотация

В эту книгу включены рассказы английской писательницы Элизабет Боуэн, написанные в разные периоды ее творчества. Боуэн – тонкий, вдумчивый мастер, она владеет искусством язвительной иронии, направленной на человеческие и социальные пороки

Элизабет Боуэн

Очаг в квартире

Боб Робертсон утром поссорился с женой и теперь возвращался домой в растрепанных чувствах, не зная, что его ждет, с неохотой, ступенька за ступенькой, взбираясь по лестнице, покрытой фибровой дорожкой – лифта в доме не было, – и на каждой площадке останавливаясь, чтобы, так сказать, морально перевести дух.

Вот и его дверь на шестом этаже: сквозь матовое стекло пробиваются красные блики от огня камина, осветившего полосу передней.

Ключ лязгнул в замке, дверь открылась. В передней пахло жасмином, ее духами; Робертсон осторожно окликнул: «Бетти!» Но тут же ощутил ее отсутствие. Конечно же ушла, отправилась в кино. «К черту!» – решительно произнес Робертсон. А он-то собирался мириться. Вот к чему ведут благие намерения. В темноте он повесил свою шляпу.

Робертсон был демобилизованным офицером; это имело теперь все меньше и меньше значения – война отодвигалась в прошлое. Все же благодаря этому факту, а также некоторой престижности оконченной им закрытой частной школы он служил теперь коммивояжером в фирме, торгующей хорошими гравюрами и учебными эстампами. Бетти, его жена, покупала на распродажах броские блестящие чулки и жало-

валась друзьям, что они с Бобом не могут позволить себе завести детей. От такой жизни у нее просто опускались руки, все чаще и чаще еда приносилась в дом готовая из кулинарии, в бумажных пакетах.

Тени прыгали и отскакивали от стен; часы ценой в пять Шиллингов давно уже отбили половину. Далеко внизу судорожными толчками, словно его выкачивали из Лондона, двигался к Грейт Уэст Роу транспорт. Дверь гостиной была доверчиво распахнута; на фоне слабеющего огня два кресла, повернутые к очагу, почему-то не создавали ощущения домашнего уюта. Этот открытый очаг с его тусклым из-за скверного топлива пламенем, но все же такой традиционный, как в родительские времена, поддерживал внутри какой-то огонь. Весь в горестных мыслях о прошлом, Робертсон повернул выключатель. Свет не зажегся. Пошарил в кармане – шиллинга не оказалось.

– Господи, это ты, что ли, Бобкин? – спросила Констанс, повернувшись к нему из кресла.

– О господи! – сказал Робертсон, вздрогнув. – Констанс? Ну разве так можно?

– Я уснула.

– У тебя нет шиллинга?

– Был, да потратила. Бетти дала мне свой ключ, она ушла с Дианой. А я жду здесь, хочу занять на автобус.

– Хороша, нечего сказать! – ответил Робертсон и, разглядев в темноте поднятое к нему лицо, поцеловал Констанс –

такое у них было обыкновение.

– Спокойно! – Констанс поправила на лбу локон. Ей было лет семнадцать.

– Все еще не нашла места?

– А ты как полагаешь? – спросила она язвительно.

– Лучше выходи замуж.

– Это верно, – согласилась Констанс. – Хотя, с другой стороны, как я всегда говорю...

Что именно, осталось, однако, несказанным. Робертсон опустил в другое кресло, вытянул ноги и вздохнул.

– Знаешь, – сообщил он доверительно, – а я сегодня не очень-то спешил домой. Смешно, правда?

Констанс понимала его отлично. Скрестив ноги, она беззаботно болтала ступней перед самым огнем.

– Все вы, мужчины, одинаковы, просто-напросто мальчишки. Сами не знаете, что вам нужно, пока не взбрдет в голову, что этого-то у вас нет.

– Мы с Бетти поцапались. – (Она слушала спокойно, рассеянно)... – Знаешь, Констанс, может, я потом больше этого не скажу, но она просто невыносима. Честное слово, иногда бывает просто неважоту. Я понимаю, конечно, ей приходится нелегко. Но она такая беспомощная...

И это была чистая правда: целыми днями Бетти бродила по квартире, щелкая каблуками изношенных шелковых туфель с болтающимися ремешками. А то, скорчившись у каминной решетки, стенала над серыми кучками золы: какая

грязь! Он-то знал, в чем тут дело: Бетти требовался газовый камин. С утра до вечера она жаловалась, что у нее уже нет никаких сил.

– Погляди-ка на мои пальцы, – вдруг сказала Констанс. – Я только что сделала маникюр.

– Покажи.

Она протянула ладони к свету очага, ногти блеснули лаком, оба нагнулись над ними.

– Смешной ты малыш, Констанс!

– Отстань! – Она послунявила палец и снова разгладила на лбу три локона. – Знаешь, что я думаю: маникюр, он и вправду подтягивает человека. Есть такое место, туда мужчины ходят маникюриться, стошнить может, а?

– А славно вот так посидеть вдвоем в темноте. Только ты и я, Констанс... Ты не знаешь, как мне не хватает...

– Послушай, Бобкин, мне есть хочется, – прервала его Констанс.

– И мне тоже чертовски хочется. – Робертсон нагнулся к ней через очаг, хрустнул суставами пальцев, зажатых между коленями. – Представь себе, – произнес он с жаром, – вот уже год как я не пробовал жареной баранины! Бетти не желает готовить. Едим всякую пакость из бумажных пакетов.

– Ну, она хотя бы разогревает то, что приносит из кулинарии. А я бы просто открывала банки, вот лосось, например. У вас не найдется случайно баночки лосося?

Робертсон отправился в кухню, и Констанс за ним. Он

освещал путь спичками; тихо смеясь, они ощупью добрались до места. Он кидал на пол отгоревшие спички, она старательно их затаптывала. Были обнаружены: кусок пирога со свиной – почти без начинки, – три надтреснутых персика в сиропе на блюде от Уолворта, несколько печений, одно чуть обгрызенное. Они расхохотались. Но запах еды сильно чувствовался в душной кухоньке, от плиты тянуло перегоревшим газом. Кончиками пальцев Констанс деликатно выудила персик и стала есть, наклонившись вперед, чтобы сироп не капнул на ее тесно облегающее черное платье. Заглядевшись, Робертсон не заметил, как огонек спички добрался до пальцев. Громко чертыхнулся, они оказались в темноте. Держась друг за друга, двинулись обратно, мерцающие отблески огня привели их снова в переднюю. Пирог Робертсон унес с собой.

– Только вот Бетти скоро придет, – заметил он мрачно.

– Ну и что? Да нет, не так скоро, не раньше восьми. Они с Дианой ушли в полшестого и собирались смотреть всю программу. – Встав на колени, Констанс разгребла угли, и комната осветилась. Вдруг она спросила каким-то новым, незнакомым, странным голосом: – Послушай-ка, у тебя есть хоть какие-нибудь деньги?

– На автобус? Да ты не уходи еще, очень тебя прошу!

– Нет, мне настоящие деньги нужны, много.

– Выходи за богатого, – посоветовал он, сосредоточенно продолжая свое дело: сидя в кресле с пирогом на коленке, он

пилил твердую корку перочинным ножиком. Молчание Констанс, так мирно и выжидательно следившей за этим занятием, внезапно заполнило комнату, и в его воображении возникло: стол, придвинутый вплотную к окну, миска с крыжовником (почему с крыжовником?), а там за окном, в сумеречном деревенском воздухе, смутно и торжественно покачиваются ветви высоких тополей. Картина эта, словно замкнутая в сферическом пространстве мечты, была округлой и законченной. Именно так можно жить на ферме, разводя цыплят. – Выходи за богатого, – повторил он дурашливо, продолжая трудиться над пирогом. Но при этом протянул руку к ее ладони.

– Какой же ты дурак! – выкрикнула Констанс, вскочила с места, мигом очутилась у двери и стала дергать вверх и вниз, вверх и вниз бессильный выключатель. – Мне сейчас нужны деньги, немедленно, неужели ты не понимаешь?

Этот неожиданный взрыв вывел Робертсона из равновесия, показалось, будто холодный ветер распахнул настежь двери жилья. Он весь сжался, обороняясь, охваченный чувством неприязни. Им было весело, а она все испортила, хоть бы она замолчала.

– А что я должен понимать, – повторил он, аккуратно разделив пирог на две части, – ничего я не понимаю. Всем нам также нужны деньги.

Она постукивала по полу высоким каблучком.

– Но мне сейчас нужно. Неужто надо объяснять все свои-

ми словами? Я должна выкрутиться, и скоро!

Стук каблука прекратился, и она замерла в отчаянном ожидании. Наконец-то до него дошло, и, словно оглушенный ударом, он едва выдавил:

– Констанс!

– Ах-ах, как ты безнравственна! – с унылой фривольностью подхватила она. – Ладно, считай, что это сказано, что дальше?

В замешательстве – потому что разве не удалось ей уже как-то втравить его в свои дела? – и начиная злиться, он спросил:

– Да, но какого дьявола ты явилась с этим ко мне?... – И быстро добавил: – Так или иначе, денег у меня нет. Да если бы и были, сама подумай, деточка, что может вообразить Бетти.

– Значит, ошибка вышла, – сказала Констанс. – Мне просто показалось. Потому что мы так хорошо ладили друг с другом. Эти деньги мне необходимы, так что хватаешься и за соломинку.

– Значит, решила, что стоит попытаться? – Возмущенный ее презрительно-беспечным тоном, ее иронией, тем, что она сумела набросить на его жилище темную сеть какой-то обреченности, Робертсон свирепо уставился на свою порцию пирога, освещаемую язычком пламени. Констанс отбила ему аппетит. Наконец ему удалось заговорить более мягким голосом:

– Зачем ты это сделала?

– За новое платье, – громко отчеканила она.

– Ах ты маленькая дрянь, убирайся отсюда!

– Ну ладно, ладно, – отвечала она. – Ухожу.

– Нет, постой. Послушай, говори со мной по-человечески, ради бога. Я ведь не браню тебя, но не желаю терпеть этот твой тон. Ну как же это с тобой приключилось, дурочка ты?

– Наверно, затмение нашло, – ответила Констанс, отвернувшись.

– Любовь? – спросил он неловко.

– Говорю тебе, затмение нашло... Только вот что, Бобкин, пожалуйста, перестань твердить о замужестве. Потому что теперь это выходит просто глупо, правда ведь?

– Но я не понимаю, – отвечал он с жаром, – почему бы тебе не выйти замуж. Я бы, например, на тебе женился... да и очень многие, не все же мужчины свиньи. Я бы обязательно женился, – повторил он, чувствуя свою безопасность.

– А я бы за тебя не пошла, – сказала Констанс, – теперь уж ни за что на свете. Лучше утопиться в Серпантине. Но все равно большое спасибо.

– Ну что же, – ответил он и прибавил почти без иронии: – Все же мы провели очень приятный вечер.

– Послушай, – сказала она, – как же все-таки насчет денег? Я серьезно говорю. Ты не беспокойся, клянусь, я все верну. Мне нужно фунтов пятьдесят, этого, наверно, хватит. Даешь или не даешь? Мне некогда с тобой любезничать.

– Видишь ли... – начал он. – Потому что, если говорить начистоту... в общем-то... Дело в том, – начал он снова с откровенностью, которая должна была ее обезоружить, – ты видишь мое положение. Я должен подумать о Бетти.

– Да уж, пора подумать о Бетти!

– Черт побери, ведь она моя жена!

– С чем ее и поздравляю!

– Знаешь, Констанс, должен заметить, вымогательница ты довольно бездарная.

– Опыта не было, – угрюмо ответила она.

– Ну а как насчет... его?

– Лучше утопиться в Серпантине.

– Проклятие! – сказал Робертсон. – Ты все на свете портишь. – Он по-прежнему сидел перед камином, подавшись вперед и обхватив голову руками. Все, нет ему нигде ни мира, ни покоя. Ведь ему чего хотелось? Чтобы женщина его подбодрила и развеселила. Но Бетти слаба, а Констанс испорчена до мозга костей.

– Жалеешь, что я пришла? – спросила она, нашаривая свою шляпку.

Робертсон сидел в той же позе и, запустив пальцы в волосы, растирал голову.

– Значит, ничего не выйдет с деньгами? – Оба прислушались: огонь вдруг затрещал в камине. – Точно, – ответила сама себе Констанс. – Ну, я пошла.

– Я что-нибудь придумаю, – сказал он. – На днях напишу

тебе. Клянусь, я тебе помогу...

В этот самый момент Бетти, отдавшая Констанс свой ключ, была вынуждена позвонить в дверь собственной квартиры. Она позвонила дважды подряд, так не терпелось ей очутиться дома. Робертсон продолжал в отупении сидеть перед камином, и дверь открыла Констанс.

– Хэлло, Кон, – раздался голос Бетти, – ну как, попала в квартиру?

– Ага. Бобкин вернулся. Я пытаюсь занять у него денег.

– Не знаю, что это тебе вздумалось, – томно отвечала Бетти, – у нас денег нет. Хэлло, Бобкин! А что это со светом?

– Шиллинги кончились.

– Да вон три штуки лежат в папироснице. Там всегда что-нибудь есть. Не так уж мы обнищали, не думай, – сказала Бетти со смехом, обращаясь к Констанс. – А тебе сколько нужно, Кон?

– Шесть пенсов на автобус.

– На, возьми шиллинг.

Бетти бросила монету в счетчик. Вспыхнул свет и осветил квартиру во всех ее подробностях: стены, «художественно» окрашенные клеевой краской, шесть репродукций из серии «Лучшие картины мира», темные угловатые очертания дубовой мебели под старину. Констанс лениво подошла к зеркалу и намазала губы ярко-алой помадой, надвинула на лоб свою тесную шапочку с жокейским козырьком, подняв воротник, уткнула в него подбородок.

– Мне пора двигаться, – сказала она, – спасибо за шиллинг.

– Извини, дорогая, что мы не оставляем тебя ужинать. Но, откровенно говоря, заливное, кажется...

– Нет, мне все равно пора, мать там, наверно, бушует. К тому же я поела свинячьего пирога.

– Ну и отлично. Тогда пока. Бобкин, проводи!

Выпустив Констанс и вернувшись в комнату, Робертсон сразу увидел, до чего пришибленной и несчастной выглядит Бетти. Факт налицо: она не может жить без него. Под тяжестью его гнева она вся сжимается, разваливается на части. Видимо, она успела поплакать: вокруг глаз были обводья расплывшейся туши. А теперь она взбивала волосы, специально для него. Он не мог знать, как пылало ее горло под тугой ниткой розового жемчуга – в том самом месте, где недавно был запечатлен поцелуй на горле Марлен Дитрих. Лисья горжетка Бетти сползла с плеча, она сидела в том же кресле, в той же позе, что и Констанс, подняв к нему лицо.

– О, Бобкин, – сказала она, – я была такая... ох, я и сама не знаю. Но правда же, иногда становится так тошно...

– Бедняжка, – сказал он, прикоснувшись пальцем к ее щеке. Бетти вздохнула, поймала его ладонь и стала гладить, откинув голову ему на руку, опустив длинные ресницы.

– Мне так стыдно, – сказала она, – за все!

– Ну ладно... А ты мыла голову...

– Погляди на мой жемчуг: у Свэна и Эдгара, два фунта,

одиннадцать и три. Это очень ужасно с моей стороны? Но я должна была что-то купить.

– Мне нравится, когда у тебя хорошенюшкие вещи.

– Да, насчет этого ты всегда такой милый... Чудная девчонка, эта Констанс, – заметила она спустя немного. – Такая независимая. Не могу ее понять. Вы долго разговаривали?

– Да нет, не особенно.

– Чем-то она жалкая. Ой, огонь-то почти погас!

Огонь в камине действительно при ярком электрическом свете совсем потускнел. Все это порядком надоело, размышлял Робертсон, вяло разгребая угли.

– Когда нас нет дома, – сказал он, – камин горит зря. Совершенно ни к чему. Может, нам и правда перейти на газ?

– Ах нет, мне нравится очаг в квартире, такой уютный, домашний... Вот только решетку чистить... Нет, все равно я люблю, когда огонь в очаге.

– А как ты полагаешь, – спросил он, – что, если мы возьмем Да и выкатимся отсюда и станем разводить цыплят на ферме? Я ведь прикопил немного. Мне все это так же остро-чертло, как и тебе. Где-нибудь в деревне, а?

– Бобкин! И у нас будет свой славненький коттедж?

Взявшись за руки, они погрузились в мечтательные раздумья: он думал о курятниках и цыплятах, она – о детях. Деревенское безмолвие просочилось в квартиру; там, за окном, может, виселись тополя, смутно и торжественно покачивая ветвями. Возникло странное чувство – устойчивости,

безопасности.

– Вдвоем, ты и я. Не очень-то нам везло до сих пор.

– Удивительно все-таки, – сказала она позднее, когда они собирались ложиться спать, – почему у этой Констанс никогда нет денег на автобус? Я часто думаю: что с ней станется?...